

ОЛЬГА СПЕСИВЦЕВА. В КОТЛЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
Литературное расследование биографии легенды русского балета
К 29 апреля - Международному дню танца

Международный день танца - праздник, посвященный всем стилям танца. Он инициирован в 1982 году Международным советом танца ЮНЕСКО и отмечается в память о родившемся в этот день французском балетмейстере **Ж. -Ж. Новерре** - «*отце современного балета*», теоретике и реформаторе балета.

В преддверии этой знаменательной даты в библиотеке «**Фолиант**» пройдет вечер - портрет «**Проклятие Жизели**», посвященный биографии **Ольги Александровны Спесивцевой (1895-1991)**, легендарной русской примы-балерины, которую сначала носили на руках, а потом на одиннадцать лет забыли в сумасшедшем доме. Почему так случилось?

Многие считали ее самой выдающейся русской балериной, выше даже самой **Анны Павловой**. Великий учитель танца **Энрико Чеккетти** говорил: «*В мире появилось яблоко, его разрезали надвое, одна половина стала Павловой, вторая - Спесивцевой. Но вторая ближе к солнцу*».

«*Когда я увидел Павлову, то подумал, что она - моя Тальони. Но Спесивцева была тоньше и чище Павловой*», - вспоминал **Дягилев**.

Современники называли ее гениальной, но, пожалуй, ни об одной другой русской артистке не ходило столько слухов - о бесчисленных романах, диком нраве, сумасшествии. Ей приписывали шпионаж в пользу России и связь с большевиками, называли даже Красной Жизелью по самой знаменитой и прославившей ее роли.

Сегодня о балерине написаны книги и статьи...

Ольга Спесивцева является героиней балета современного балетмейстера **Б. Я. Эйфмана «Красная Жизель»**.

...В 1995 году кинорежиссёр **Алексей Учитель** снял фильм «**Мания Жизели**» посвященный ее судьбе, весьма, впрочем, далекий от настоящих реалий. Роль Ольги Спесивцевой в нем исполнила актриса **Галина Тюнина**.

...В 1997 году свой документальный фильм о балерине - «**Божественная Жизель**» - представил режиссёр **Майя Меркель**, создавший драматический и прекрасный облик этой женщины - пример незащитности и трагической незащищённости таланта перед обстоятельствами.

Давайте вместе с читателями библиотеки «**Фолиант**», активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»**, чуть ближе прикоснемся к биографии легенды русского балета, посмотрим отрывки из фильма Майи Меркель «**Ольга Спесивцева. Божественная Жизель**» и подумаем, почему ей с детства пришлось прятаться в призрачном мире фантазий. Как удалось ей пережить мировую войну, революцию и начавшийся в стране террор? Как она, голодая, умудрялась танцевать сложнейшие партии? Что помогало ей отключаться от чудовищного быта?

Какую роль в жизни балерины играли мужчины - **Аким Волынский**, известный балетный критик, **Борис Каплун**, крупный хозяйственник, управляющий делами Петроградского Совета, художник **Владимир Дмитриев**, русский танцовщик и педагог **Борис Князев** и агент - американец **Леонард Джордж Браун**? Чем закончилась ее любовь к молодому партнеру **Сержу Лифарю**?

Известно, что до 1962 года Ольга Спесивцева жила в России, после - в Париже и вблизи Нью-Йорка. Россия была для нее и счастьем, и адом. Здесь были поклонение и жестокость, насилие и любовь, ненависть и райские кущи. Почему она покинула Родину,

зная, что у нее уже никогда не будет такого кипящего котла самых противоречивых эмоций, как в России?

В Париже русскую балерину сразу же сделали примой, присвоили звание «этуаль», публика с ума сходила на ее спектаклях, от оваций можно было оглохнуть... Так почему же она чувствовала себя там чужой?

Когда именно стали проявляться первые признаки психического заболевания, и почему никто из знакомых Спесивцевой за все годы пребывания ее в психиатрической лечебнице не поинтересовался ее судьбой?

Известно, что молодой писатель **Дейл Эдвард Ферн**, верный поклонник и единственный человек среди сотен почитателей Ольги Спесивцевой, кому она была небезразлична, много лет спустя наткнулся на фотографию балерины в роли «Жизели» и влюбился в ее образ. Что он сделал, и как это изменило жизнь великой танцовщицы?

Итак.

Пациентка № 360446

Но обо всем по порядку....

Эта малоизвестная история началась в тот день, когда двадцатичетырехлетний писатель **Дейл Эдвард Ферн**, верный поклонник и единственный человек среди сотен почитателей Ольги Спесивцевой, кому она была небезразлична, наткнулся на фотографию балерины в роли «Жизели» и потерял покой. Он влюбился в ее образ и во что бы то ни стало решил разыскать ее.

В 1952 году случай свел Ферна с вдовой **Вацлава Нижинского**, который много танцевал со Спесивцевой. **Ромола** кое-что знала о судьбе давным-давно исчезнувшей с горизонта Ольги: та в психиатрической клинике, дела ее совсем плохи. Ферн кинулся в эту клинику.

Картина, которую он застал, потрясла его воображение. Санитарка долго гремела ключами, чтобы отворить дверь палаты с зарешеченным окном. Там Ферн увидел похожих на зверушек людей в одинаковых серых халатах и среди них у окна маленькую тихую седовласую женщину - Ольгу Спесивцеву, вернее пациентку № 360446.

По-английски она практически не говорила, знала лишь отдельные слова, и от Ферна испуганно шарахнулась, решив вероятно, что он хочет причинить ей зло. Недоверчиво покосилась на сладости и фрукты, которые он принес с собой.

Никто из персонала бесплатной лечебницы для неимущих понятия не имел, кто такая эта неприметная покорная старушка, и когда потрясенный Ферн показал фотографии и пожелтевшие от времени газетные вырезки, они сильно смутились.

Дейлу Эдварду удалось найти для Ольги русскоговорящего врача, и, наконец, ее стали хоть как-то лечить. Ферн навещал Спесивцеву каждое воскресенье в течение десяти лет. И чуть ли не каждый день писал ей письма на плохом французском, который она немного знала. В складчину с друзьями покупал Ольге еду, сладости, духи, одежду, чтобы поддержать и порадовать.

Самое удивительное, что Спесивцева, проведя в лечебнице в общей сложности двадцать один год, окончательно выздоровела. К ней полностью вернулись рассудок и точная на детали память о прожитой жизни.

На ферме

Тогда-то Ферн и перевез Ольгу Александровну из клиники в пансионат под Нью-Йорком (сама Ольга называла его фермой). Пансионат был устроен для одиноких соотечественников. младшей дочерью **Толстого - Александрой Львовной**.

Там балерину окружали русские люди, русский язык, русская еда, русская церковь. После многолетнего перерыва она смогла наконец возобновить переписку с сестрой, оставшейся в Петербурге - **Зинаидой Папкович-Спесивцевой**.

«Дорогая Зинуша, вчера меня перевезли сюда из клиники. Ферма большая, выстроена на пожертвования. Тут есть очаровательная церковь, и я могу молиться и быть близкой Богу. Конечно, трудно возвращаться к жизни после двадцати лет пребывания в госпитале, прическа моя устарела, волосы побелели, забыла, как наводить красоту, румянец, пудриться. Ах, Зюка, старость - не радость».

В 1963 году, когда писалось это письмо, ей было уже шестьдесят восемь лет... Давным-давно отгремела слава, состарились партнеры, изменились и мир, и балет, а сама Ольга Александровна прожила страшную и трагическую жизнь.

«Зинуша, каждый вечер перед сном я сижу у письменного стола и смотрю в окно, как заходит солнце. В это время я всегда в России. Медленно плывут воспоминания, я погружаюсь в сон...»

Марис Лиена, посетивший Ольгу Спесивцеву в США, оставил воспоминание об этой встрече:

- Маленькая комнатка с почти спартанской обстановкой: кушетка, стол, шкаф и умывальник составляли все её убранство. Наконец к нам вышла очень изящная, с классической, то есть гладкой, балетной причёской женщина, с широко раскрытыми возбужденными глазами.

Она поздоровалась, расцеловала нас всех по очереди, сказала, что все утро ужасно волновалась, когда узнала, что в гости к ней едут Уланова и Долин... Она сказала, что неважно себя чувствует, потому что приближается Пасха, а великий пост чрезвычайно ослабил её. И когда мы преподнесли ей розы, она расстрогалась и расплакалась безутешно, и мы невольно почувствовали себя так, словно совершили бестактность...

Мы уехали полные жалости и сострадания к судьбе известной в своё время балерины. Дело было даже не в болезни, дело было в безысходности и одиночестве, которыми веяло от её пристанища и от всей её маленькой, сохранившей изящество фигурки.

Первое предательство любви

Совсем чуть-чуть ей выпало теплоты в детстве, но когда умер отец - оперный певец, мать, собрав узелки с пожитками, перебралась с тремя детьми из Ростова-на-Дону в Санкт-Петербург. Их удалось пристроить в приют для детей неимущих актеров, который содержала **Мария Гавриловна Савина**.

После приюта Оленька попала в театральное училище. Там она сильно выделялась среди учениц, и к выпуску стало ясно: у девочки выдающиеся балетные данные - безупречное пластичное тело и выразительное лицо с драматически горящими темными глазами.

- Идеальный прототип трагической актрисы, - говорила про нее Савина.

Оленька была дичком, ни с кем не дружила и никогда не смеялась. Савины иногда забирали ее на выходные, чтобы подкормить и развлечь. Ее муж дарил молчаливой робкой девочке игрушки, смешил, баловал.

Почему Оле пришла мысль, что он ее отец? Может, случайно услышала пересуды прислуги? Узнав, о чем толкуют у нее за спиной, Савина обмерла и навсегда отлучила Оленьку от дома. Спесивцева потом говорила, что расценила это как предательство. Первое предательство любви, а сколько их еще впереди!

В мире фантазий

В известном смысле Ольге с детства пришлось прятаться в призрачном мире фантазий, она была слишком чувствительна и ранима, а жизнь вокруг становилась все более грубой и жестокой.

Первые годы Спесивцевой в Мариинском театре прошли под знаком мировой войны, революции и начавшегося в стране террора. После училища Ольга жила вдвоем с

матерью, и они в буквальном смысле голодали. Часто Ольга шла на репетиции, шатаясь от слабости на промозгом петербургском ветру.

Отопление в театре давно отключили, зрители кутались в меха, а танцовщики выступали полуобнаженными. Бронхиты и кашель не проходили, и **Агриппина Ваганова**, педагог Ольги, на репетиции отпаивала свою лучшую ученицу горячим молоком и растирала ей грудь дефицитным барсучьим жиром.

Чтобы танцевать так, как Спесивцева, нужно было напрочь отключиться от чудовищного быта, игнорировать его, что Ольга и делала. Иногда, глядя в окно из репетиционного зала на унылый квадрат двора, она говорила Вагановой:

- А я вижу там голубое озеро с плывущими лебедями и справа замок.

«Я слишком вживаюсь в роль»

Премьера *«Жизели»*, которая станет легендарной, состоялась 30 марта 1919 года. Как часто бывает, Ольгу тогда всего лишь попросили заменить заболевшую приму, и Спесивцева быстро подготовила сложнейшую партию.

Те, кто видел ее в тот вечер, говорят, что ничего подобного никогда не случилось в театре. В финальной сцене сумасшествия Жизель-Спесивцева, как вспоминал композитор **Богданов-Березовский**, *«медленно восставала из могилы, застенчиво приближалась к повелительнице виллис и, оживая, чертила круги на одной ноге по планшету сцены, другой ногой простираясь в летучем арабеске. Это казалось сновидением, чем-то по силе выразительности лежащим за пределами возможного».*

Зрители повскакивали с мест, и вот уже весь партер стоял, затаив дыхание, следя за невиданным по экспрессивности зрелищем. Вдруг раздалось чьи-то всхлипывания, потом еще и еще! Чтобы люди в партере массово плакали - такого «Мариинка» еще не видела!

Стоявшая за кулисами Ваганова рыдала и истово крестилась. Ольга, казалось, не слышала чуть не обрушивших театр аплодисментов и бешеных выкриков *«Браво!»*. За кулисами она бессильно упала на руки своего педагога. Балерина была так бледна, что та испугалась. Рядом суетились врач, коллеги, мать. Ольгу наконец привели в чувство, и она через силу сумела выйти на поклонны.

Наутро испуганная, с лихорадочно горевшими глазами она прибежала к любимой сестре Зине на Васильевский остров:

- Зюка, я так испугалась вчера! Мне нельзя танцевать Жизель, я слишком вживаюсь в роль!

Stella montis - высокая звезда

Спесивцева стремительно превратилась в приму, на нее посыпались главные партии в *«Корсаре»*, *«Баядерке»*, *«Эсмеральде»*. Петроград полюбил молодую танцовщицу: ее худоба, изящество, некоторая манерность движений, прямые черные волосы и горящие темные глаза делали Ольгу идеальной героиней декаданса.

Сколько мужчин пало к ее ногам?! Десятки, сотни? Поджидающие у театра толпы, неисчислимо количество любовных записочек, приколотых к роскошным букетам. А у нее за плечами никакого опыта, лишь природная робость и неискоренимый романтизм в душе.

Этой ее неискушенностью умело воспользовался известный балетный критик **Аким Волынский**. Он был намного старше Ольги, буквально втерся в ее поклонники и вскоре стал любовником и патроном балерины.

- Вы - гений, жрица искусства, вы не можете опуститься до прозы жизни, это удел быдла, - внушал Ольге Волынский, и она внимала как послушная школьница, записывала его изречения в тетрабочку, безропотно ходила за ним в Эрмитаж, понимая, что он старается образовать ее и развить вкус.

Волынский оставил Спесивцеву, устав от ревности и не сумев смириться с армией настойчивых воздыхателей, атакующих Ольгу со всех сторон. Среди них были

знаменитости и те, кто ими скоро станет: молодой **Шостакович, Мандельштам, Гумилев, Чуковский**. Ей посвящали стихи и музыку: композитор **Богданов-Березовский** называл Спесивцеву *Stella montis* - Высокая звезда, художник **Владимир Дмитриев** хотел из-за нее стреляться.

Ольга рано убегала с вечеринок, на которых ее без усталости превозносили и обожествляли. Балерину утомляли долгие разглагольствования об искусстве, громкие голоса, лихорадочная возбужденность захмелевших поклонников. Дома она бессильно падала в кресло и сидела недвижно по два-три часа и потом целую неделю никуда, кроме репетиций, не выбиралась.

«Не остановитесь - стрелять буду!»

Черноволосый красавец **Борис Каплун**, в кожаной тужурке и с револьвером, однажды явился к Спесивцевой за кулисы, властно положил руку на плечо и сказал: *«Моя!»* Ольга по какой-то ведомой только ей загадочной причине сразу узнала в нем Альберта, возлюбленного Жизели.

Племянник Урицкого, друг Зиновьева и репетитор его детей, Борис при новой власти сделал отличную карьеру, став к двадцати пяти годам крупным хозяйственником, управляющим делами Петроградского Совета. Он очень любил искусство, его сестра была скульптором, брат - владельцем берлинского издательства «Эпоха».

Наверняка Ольгу подкупили его сила и властность, ведь вокруг нее в основном вращались мечтательные творческие мужчины. Какой контраст являл на их фоне Каплун! Благодаря Борису ее жизнь чудесным образом переменялась: в театре стали топить!

Каплун буквально выколачивал для «Мариинки» дрова, полуголодным артистам увеличили паек, а уж Ольга и вовсе зажила как у Христа за пазухой. Борис приносил ей сладости, фрукты, икру, мясные консервы, вызывал свой роскошный белый автомобиль, экспроприированный у кого-то из «бывших», и вез в ресторан кормить.

В отличие от богомных поклонников Каплун не мучил ее разговорами об искусстве, для этого у Бориса хватало собеседников - он дружил с **Замятинным, Гумилевым, Белым, Мейерхольдом**. Ольга не раз слышала их горячие споры о Киплинге, Уитмене и Эдгаре По, в разгар которых часто раздавался резкий звонок огромного страшного телефона, и Борис вскакивал: *«Дела!»*

Друзья намекали Ольге, что Каплун участвует в массовых убийствах, что у него руки по локоть в крови, она в ответ ахала, бледнела, задавала ему какие-то робкие вопросы, но Борис лишь отшучивался. Позже из-за связи с Каплуном Спесивцеву сочтут за границу русской шпионкой и будут называть Красной Жизелью.

Ольге часто потом вспоминалось, как она впервые пришла к Борису в рабочий кабинет в доме бывшего Главного штаба на Дворцовой площади. На пороге балерина в ужасе замерла: в углу горой были сложены винтовки, на полу посередине просторной комнаты громоздилась куча совершенно непостижимых для нее вещей - замочные отмычки, ножи, кинжалы, отвертки, револьверы. Ольгу обуял безотчетный страх, она развернулась и опрометью бросилась прочь, следом за ней метнулся дежуривший в коридоре красноармеец:

- *Стойте, гражданочка, куда же вы? Товарищ Каплун просил дождаться его!*
А «гражданочка» продолжала бежать, не чуя под собой ног, и парень, шутя, бросил ей вслед:

- *Не остановитесь - стрелять буду!*

Каплун потом долго не мог ее успокоить, убеждал, что все вещи, которые она видела, собраны для будущего петроградского «музея преступности». Ольга и верила и не верила...

«Забудьте, забудьте, забудьте!»

Борис не отдавал себе отчета, насколько хрупка и подвижна психика его новой пассии. Зачем-то повез ее «развлекаться» в недавно открывшийся петроградский крематорий, взяв с собой за компанию Чуковского и Гумилева. Они все вместе отправились в городской морг, там должен был состояться торжественный выбор покойника для пробного сожжения, и честь сделать этот выбор досталась даме - Ольге Спесивцевой.

В огромном сарае тесными рядами лежали трупы, прикрытые простынями.

- *Ну же, Ольга, смелее!*- подбодрил ее Каплун. Она смотрела на мертвецов полными ужаса глазами, потом рукой в черной перчатке машинально ткнула в первого попавшегося.

Всю обратную дорогу Ольга истерически рыдала. Сидевший рядом Гумилев гладил ее по щеке и шептал:

-*Забудьте, забудьте, забудьте.*

Кончилось все плохо. Возможно, из-за избытка страшных впечатлений здоровье Спесивцевой резко пошатнулось: она почти не спала, дико кричала по ночам от мучивших ее кошмаров и заходила в кашле - легкие у нее всегда были слабые, а тут еще вечная петроградская сырость и промозглые ветра.

Каплун понял, что дело плохо и Ольгу надо спасать, из-за болезни она и так пропустила в театре добрую половину сезона. Кроме того, Борис уже наигрался в любовь, и связь с балериной стала его тяготить. Ольга же упорно продолжала цепляться за него, называя своим Альбертом.

Отношения с Парижем

Каплун сумел выхлопотать для Ольги разрешение уехать из России якобы на лечение, и осенью 1924 года открытая машина везла Ольгу Спесивцеву и ее мать **Устинью Марковну** по ленинградским улицам и набережным на Варшавский вокзал. Женщины отбывали оттуда в Париж. Ольга, глотая слезы, смотрела на знакомые улицы и выглядела совершенно растерянной и несчастной: неужели Альберт ее предал?

...- *Дорогая Зюка, я сижу и сижу. Тоска возьмет, тогда перечитываю твои письма. Любовалась на Ленинград - замечательная открытка.*

Больше Ольге не суждено увидеть Россию, она покинула ее навсегда. Русская осень и ранний снег отныне будут ей только сниться.

Директор Гранд-опера месье **Руше** сразу предложил Спесивцевой контракт, и сразу же не сложились ее отношения и с Парижем, и с театром. Сцена в полтора раза больше Мариинской, как на такой танцевать? Кордебалет деревянный, тяжеловесный. И почему они все время смеются? Над ней? Ведь она не понимает почти ни слова по-французски! Париж слишком чужой, слишком солнечный и веселый, ее постоянной меланхолии он совсем не подходил.

Плакать хотелось от одиночества и неустроенности. В отелях, по которым они с матерью скитались, голые стены, ни одной картины! А с каким грохотом горничные убирают соседние номера! Голова лопается. И кровати жесткие, узкие, все кости ломит.

Сразу по приезду Спесивцева стала примой, ей присвоено звание «этуаль»... Публика с ума сходит на ее спектаклях, от оваций можно оглохнуть... Но все равно она здесь - чужая!

В «Мариинке» была богиней, шла по театру - все ей с благоговением кланялись, а тут идешь, никто тебя не замечает, все несутся мимо, еще и локтем задеть могут. Но самое плохое то, что во Франции уже не в моде классический балет, тут помешались на новых формах, на «фокинщине», а Ольга про себя твердо знала - еще Волынский ей это внушил - она создана исключительно для классики.

«Только Одиллия, только Никия, только Петипа», - упрямо писала она в дневнике. По правде говоря, Ольга все ждала, что скоро приедет Каплун и наладит ее жизнь, все возьмет на себя, как прежде, разберется с недоброжелателями, отомстит за ее обиды. А он

все не ехал, даже перестал отвечать на письма. Зато недруги, по большей части являющиеся плодом ее воображения, каждый день множились.

Ольга вбила себе в голову, что с ней в театре не здороваются, и замучила директора жалобами на коллег. Руше обязал всех здороваться с мадемуазель Спесивцевой за километр. Однажды балерина шла по площади в театр, сверху открылось окно, и нестройный хор голосов оглушительно выкрикнул:

- *Бонжур, Ольга!*

Над ней издеваются, ее ненавидят! Как еще это расценить? Просила в артистической комнате не вешать зеркала друг напротив друга. Ей в темноте казалось, что между ними зловещий коридор, который пугает. Повесили! И не хотят снимать!

И **Дягилев**, в спектаклях которого Спесивцева тоже участвует, хорош: старается заплатить как можно меньше! На репетициях назло, чтобы вымотать ей нервы, начинает громко насвистывать мелодию, зная, что Ольга этого не выносит!

- *Оленька, вот встретишь настоящую любовь, друга, опору - и все наладится*, - повторяла как заклинание мать. Она с ужасом наблюдала, как портится характер дочери, как постепенно она превращается в законченную неврастеничку, ищущую повсюду плохие приметы. Мыслимое ли это дело - мыть голову шампанским, после того как одна знакомая русская шепнула Ольге, что это отгоняет нечистую силу? Как можно отменять спектакль, если утром мать ненароком просыпала соль?

Устинья Марковна все больше боялась участия дочери в «Жизели» Финальная сцена, где героиня обретается уже в потустороннем мире, действовала на Ольгу просто разрушительно.

Как-то после очередного спектакля, в котором Альберта танцевал **Серж Лифарь**, любимец Дягилева, после закрытия занавеса Ольга не могла дойти до кулис, беспомощно лепеча:

- *Я заблудилась в саду. Где же тропинка?*

После спектаклей она часто кричала во сне, звала Бориса, вцеплялась в руку матери и не отпускала до утра...

«Нет, Оля, я люблю не тебя...»

Однажды после очередной «Жизели» Ольга явилась домой не изможденной и обессиленной, как обычно, а напротив, сияющей и воодушевленной. Щеки ее, всегда очень бледные, горели лихорадочным румянцем.

- *Мама, он меня любит!*

- *Кто?* - не поняла мать.

- *Альберт! Любит, я сегодня в этом убедилась!*

Насилу Устинья Марковна поняла, что дочь говорит о Серже Лифаре, партнере Ольги, который танцевал Альберта.

У Ольги с Лифарем, который был моложе ее на десять лет, случались и ссоры, и стычки. Серж мог накричать на нее, бывал несдержан и груб, однажды даже расколотил цветочный горшок, когда Ольга заупрямилась дольше держать арабеск. Иногда она прямо-таки боялась его, Серж казался страшным и в то же время чем-то неуловимо напоминал Каплуна, даже внешне они были похожи.

- *Я чувствовала в нем силу*, - смущенно призналась потом Ольга Александровна графине Толстой. - *Мне очень ее не хватало в Париже, я нуждалась в поддержке. А вы знаете, какие поддержки были у Лифаря? Как ни у кого!.*

Осенью 1932 года Ольга репетировала с Лифарем новый балет, они прошли самые трудные места партии, и вдруг Ольга резко остановилась, положила руки ему на плечи и заглянула в глаза:

- *Серж, ты ведь любишь меня? Когда же наконец ты мне признаешься?*

Лифарь посмотрел на нее с таким изумлением, что Ольга отпрянула.

- *Оля, опомнись!* - Серж попытался взять ее за руку. - *Ты разве не знаешь?*

- *Что не знаю?*

Лифарь потом вспоминал, как потряс его этот по-детски невинный вопрос. Конечно, в Ольге было много инфантильного и отрешенного, она всегда жила, по его словам, «*между мечтой и действительностью*», но не до такой же степени! Весь театр, если не весь Париж, судачил об их связи с Дягилевым, и только Спесивцева ничего не желала знать.

- *Нет, Оля, я люблю не тебя.*

Серж никак не мог предположить, что случится дальше. Ольга пронзительно закричала и метнулась к открытому окну. Она висела на десятиметровой высоте над площадью Оперы, когда невероятным усилием Лифарь схватил ее за руку. На помощь ему подоспел пианист **Леонид Гончаров**. Ольга кусалась, царапалась, кричала, пытаясь вырваться. С огромным трудом Лифарь сумел кое-как утихомирить ее и отвезти домой.

Около месяца длились полнейшая апатия и упадок сил. Ольга лежала на подушках бледная, все время отрывисто кашляла и сжимала в руках носовой платок. Жизель всегда знала, что ее предадут...

«...Мне кажется, я сегодня Жизель»

«Сегодня Оля танцует, а утром ставили банки... До красоты ли... Со слезами порхала. Знала, что не под силу... Все заработанное уходит на отели и кормежку. Даже не остается на одежду... Ну, выкупила кольцо. Да за квартиру. А теперь февраль и март не танцевать», - это из письма матери Спесивцевой, остро чувствовавшей, как после разрыва Ольги с Лифарем, и в результате с Гранд-опера, где Серж занял должность директора, ее дочь закружил какой-то обреченный гибельный вихрь, и ей не вырваться из него.

Больше не существовало для Ольги постоянной сцены, постоянного театра, начались бесконечные скитания по разным труппам, изматывающие гастроли, которые теперь организовывал новый агент - американец **Леонард Джордж Браун**, интересующийся искусством, имеющий небольшой антрепренерский бизнес и влюбленный в Ольгу.

Полгода в Буэнос-Айресе у **Михаила Фокина**, потом длительная мучительная поездка в Сидней. Там работа на износ, приходилось выходить на сцену по восемь раз в неделю, мало спать. И вот однажды Ольга забыла свою партию прямо на спектакле! Задумчиво опустила поднятую ногу, затопталась на месте, потом стала что-то беспомощно импровизировать, вогнав в ступор партнера.

Занавес срочно опустили, Ольга лежала на дощатом полу сцены, давилась рыданиями и в остервенении била себя по ногам, потом по лицу. Вызвали врача, вкололи успокоительное лекарство. Браун отвез танцовщицу в отель, долго отпаивал чаем, утешал, как мог.

Через неделю новое приключение: Ольга забыла, что вечером у нее спектакль и ушла гулять по набережной. Внезапно во время прогулки у нее закружилась голова, подоспевшим прохожим Ольга никак не могла объяснить, кто она такая, бормоча:

- *Мне кажется, я сегодня Жизель.*

Под действием злых чар

Гастроли пришлось отменить, Браун повез Ольгу обратно в Париж, чтобы показать врачам. Она по-детски звала мать, оставшуюся во Франции, но по приезде Ольгу ждал жестокий удар - Устинья Марковна осуществила давно принятое решение и, пока дочь была на гастролях, уехала в Россию!

Сестра Зинаида потом расскажет, что отношения Ольги с матерью становились все хуже, они постоянно ссорились, дочь предъявляла бесконечные претензии, даже ревновала ее к своим поклонникам, в частности - к Брауну!

Но каково Ольге было остаться на чужбине без единого родного человека? Ее душил страх, что она неизлечимо больна, что не сможет больше танцевать, что у нее ничего и никого нет.

Браун настаивал на отдыхе и лечении, но Ольга рвалась на сцену, ведь по-настоящему жила только там. Она сильно похудела, сделавшись почти бесплотной, замкнулась в себе.

- Мое сердце окончательно покрылось льдом, - писала Ольга сестре Зинаиде.

Многие находили, что внешне Спесивцева стала походить на куклу - все еще красивую куклу «с изможденным лицом мадонны». По словам Лифаря, общалась она механически, часто отвечала собеседникам невпопад, очевидно, их не слушая.

Выдающийся английский танцовщик **Антон Долин**, партнер Спесивцевой по лондонской сцене, рассказывал, как затащил ее однажды в кафе и Ольга сидела напротив него прямая, напряженная, с крепко сжатыми бледными губами в темном монашеском платье, совсем без косметики. Какой контраст с ее живостью, пластичностью и яркой эмоциональностью на сцене!

- Мне часто казалось, что Ольга находится под действием злых чар, как в русских сказках, - вспоминал Долин. - И только когда она на сцене, чары рушатся и она становится собой.

В тот вечер Долин в знак восхищения хотел вручить Ольге подарок. Волнуясь, достал из кармана коробочку, в которой лежал браслет с розовыми бриллиантами. Ольга открыла, остолбенела и с негодованием отвергла:

- Откуда вы это взяли, Антон? Вам нужно немедленно его вернуть!

Долин с изумлением смотрел на ее вспыхнувшее лицо, на нервные пальцы, мнущие салфетку. Разве мог он знать, что в Ольге вдруг проснулись отголоски мучительных воспоминаний о подарках Каплуна и вечных страхов, что кольца, браслеты и ожерелья, которыми Борис щедро ее задаривал, сняты с убитых или отняты у кого-то силой.

Отчаянная попытка

Последней отчаянной попыткой вырвать у судьбы крохи женского счастья стал скоропалительный брак Ольги с русским танцовщиком и педагогом **Борисом Князевым**. Конечно, и он влюбился не в Ольгу, а в ее сценический образ. А, оказалось, жить со Спесивцевой невозможно: то посиди со мной, то убирайся вон, то закроется в спальне на трое суток и не пускает мужа.

Князев попытался приохотить ее к преподаванию, супруги даже открыли в Париже балетную студию. Но какой из Ольги педагог?! Она скучала, зевала, вечно раздражалась на учениц.

«Я- балерина! Я убила всех этих людей, сожгите их!»

Финальные сцены жизненной драмы Спесивцевой разыгрались в Нью-Йорке в отеле. Ее агент Браун, по-прежнему влюбленный и умевший справляться с ее характером, все-таки уговорил Ольгу уехать с ним в Америку и бросить сцену, тем более что танцевать она уже практически не могла - постоянно забывала партии.

В июле 1939 года, накануне Второй мировой войны, теплоход причалил к гавани Нью-Йорка. Их никто не ждал, никто не встречал. Небоскребы Манхэттена ужаснули, показались уродливыми агрессивными монстрами. Ольге все время чудилось, что эти громадины падают, и люди вот-вот окажутся погребенными под ними. Она неделями сидела в отеле и боялась выйти на улицу.

Однажды вечером Браун сильно задерживался, вдруг раздался телефонный звонок:

- Мисс Спесивцева? Господина Брауна нашли на улице! Разрыв сердца.

Джордж не успел ни оформить отношения с Ольгой, ни оставить завещания. В тот день, когда его не стало, у нее в кармане не было ни единого доллара. С ней случилась

сильнейшая истерика, Ольга кричала, чтобы ее выпустили отсюда, что она - Жизель, что ей необходимо немедленно найти Альберта.

На Спесивцеву уже надели смирительную рубашку, когда раздался истошный вопль:

- Нет, я Спесивцева! Я - балерина! Я убила всех этих людей, сожгите их!

Так Ольга и оказалась в психиатрической лечебнице, где ее только десять (!) лет спустя отыскал влюбившийся в ее портрет Дейл Эдвард Ферн. Двадцать лет жизни (с 1943 до 1963) она провела в психиатрической лечебнице, память постепенно восстановилась, и выдающаяся балерина выздоровела. Однако вернуться к сцене она уже не могла по возрасту.

«Как вы выжили в этой больнице? Не представляю...»

Больше всего Ферна поразило, что никто из знакомых Спесивцевой за все эти годы не поинтересовался ее судьбой. Лифарь написал в своей книге воспоминаний, будто бы он навестил Ольгу в 1948 году, однако сама Спесивцева, уже выздоровев, не пожелала этого припомнить.

- Как Вы жили в этой больнице? Я просто не представляю!- не выдержала Толстая, которую впечатлили рассказы Ферна о том, что великая балерина двадцать один год провела в одной палате с двадцатью сумасшедшими.

Ольга Александровна возразила, что у нее и там был однажды праздник. На какой-то юбилей о Спесивцевой вдруг вспомнили друзья. Стопка открыток аккуратно была разложена по конвертам: от **Монтё, Веры Стравинской, Фелии Дубровской, Долиной, Марковой, Немчиновой, Владимирова, Обухова, Лифаря, Карсавиной, Фонтейн...**

Александра Львовна Толстая прекрасно знала, с каким трудом Дейл Эдвард Ферн выбил из бывших друзей и коллег Ольги эти открытки.

В пансионате Толстой в маленьком провинциальном городе Вэлли Коттедж в штате Нью-Йорк графства Рочестер вблизи города Нью-Йорка Ольга Спесивцева прожила двадцать восемь лет.

«Я так счастлива...»

...- Дорогая Зюка, - писала она сестре, - тут на ферме выпадают теплые дни, только туман. А у вас что? Я помню: с октября снег, снег падает, зима начинается... Сегодня я была у заутрени. Разговлялась, я так счастлива бывать тут в русской церкви. Со службой утихает тоска.

Ольга Александровна так никогда и не узнала, что Борис Каплун - самая сильная любовь ее жизни - был расстрелян в 1937-м году... Умерла великая балерина 16 сентября 1991 году в возрасте девяноста шести лет. Похоронена на русском кладбище в Ново-Дивееве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Богданов-Березовский В. М.** Спесивцева //Встречи. - М.: «Искусство», 1967. - Стр. 237-277. - 280 с.- Тираж: 25 000 экз.
2. **Волынский А. Л.** Плачущий дух //Жизнь искусства. - 1923. - № 8.
3. **Томина-Петрова Е. Д.** Жемчужина русского балета - Ольга Спесивцева. - СПб.: «Logos», 2006. - 256 с. - Тираж: 1000 экз. .
4. **Федосова Е. М., Лалетин С. В., Головицер В.** Ольга Спесивцева. - М.: «Артдеко», 2009. - 212 с. - (Серия «Легенды русского балета»). - Тираж: 1000 экз.
5. **Головина Е.** Спесивцева Ольга. Проклятие Жизели/Елена Головина//Караван историй. - 2015. - №10.